

ПЕРО ВОРОНА

ВАЛЕНТИНА РЕДА

НАСЛЕДСТВО КАРТЕРОВ. КНИГА 1

СЕМЕЙНЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Валентина Реда

Гнездо . Том Первый.
Перо Ворона.

«Автор»

2026

Реда В.

Гнездо . Том Первый. Перо Ворона. / В. Реда — «Автор», 2026

В заброшенном доме под Екатеринбургом находят тело орнитолога с серебряным пером в горле. Майор Следственного комитета Алексей Картер приезжает на место и понимает: дом — его собственный. Тот самый, куда отец уезжал за неделю до гибели и откуда звонил со странными словами: «Я нашёл. Оно настоящее.» Вместе с сестрой Майей, судебно-медицинским экспертом, Алексей начинает расследование. Дом, который он помнит с детства, оказывается не просто старым зданием. В его стенах спрятаны серебряные перья, созданные прадедом — судмедэкспертом, работавшим на НКВД. Перо Ворона говорит правду. Перо Совы показывает последние минуты умерших. Но за каждую правду приходится платить — воспоминаниями, голосами близких, частью себя. Пока Алексей и Майя разгадывают тайну отца, за ними наблюдает тот, кто называет себя Наследником. Он ждал их возвращения шестьдесят лет.

© Реда В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валентина Реда

Гнездо . Том Первый. Перо Ворона.

Глава 1

ПЕРО ВОРОНА

Том первый

Часть первая. ЧУЖОЙ

Глава 1. Зильбер

Григорий Наумович Зильбер проснулся в четыре утра от собственного крика.

Сердце билось так, что, казалось, сейчас разорвёт горло. Он сидел на кровати, хватая ртом воздух, и смотрел на свои руки. Пальцы тряслись. Он сжал их в кулаки — не помогло.

Опять этот сон. Чёрная птица. Серебряное перо. Голос — спокойный, почти ласковый: «Ты не умрёшь, Григорий Наумович. Ты будешь говорить даже после смерти.»

Он встал. Прошёл на кухню, стараясь не шуметь, хотя жил один и шуметь было не для кого. Налил воды из-под крана. Стакан стучал о зубы. За окном моросил дождь. Октябрь в Екатеринбурге всегда такой — серый, мокрый, бесконечный.

Он не хотел ехать. Но не поехать не мог.

В музей пришёл к открытию. У служебного входа Клавдия Петровна отложила кроссворд.

— Григорий Наумович? Вы же уволены.

— Забыл вещи. Личные.

Она смотрела на него долго, прищурившись. Зильбер старался не отводить взгляд. В кармане лежал старый пропуск — он не сдал его при увольнении, соврал, что потерял. Если Клавдия Петровна сейчас проверит базу...

— Ладно, — сказала она наконец. — Только недолго. И чтобы я вас не видела.

Он кивнул и быстро прошёл внутрь. Пока шёл по коридору, чувствовал, как спина покрывается потом. Камеры. Он не знал, работают ли они. За три месяца после увольнения многое могло измениться. Если охрана заметит его в запасниках, придётся объяснять. А объяснять было нечего. Он не мог сказать правду: «Я пришёл забрать серебряное перо, которое записы-

вает голоса мёртвых, чтобы вернуть его потомкам человека, создавшего его.» После таких слов его бы не уволили — его бы госпитализировали.

Дверь в запасники была закрыта. Он приложил пропуск к замку. Замок пискнул. Зелёный. Открыто. Он выдохнул — и тут же замер: где-то в конце коридора хлопнула дверь. Шаги. Твёрдые, размеренные. Зильбер прижался спиной к стеллажу. Шаги приближались, потом затихли. Кто-то прошёл мимо.

Он подождал минуту. Другую. Тишина.

Тогда он двинулся к дальнему стеллажу — туда, где среди старых коробок стояла та самая, с выцветшей надписью «Картер В.А. Архив. Не вскрывать».

Коробка была на месте. Он открыл её. Под слоем пожелтевшей бумаги — деревянный футляр. На крышке выжженный глаз. Внутри — серебряное воронье перо. Длинное, с синеватым отливом. На острие — клеймо, тот же глаз.

Зильбер сунул футляр во внутренний карман и закрыл коробку. Руки дрожали так, что он едва справился с крышкой. Вышел из запасников. Клавдия Петровна снова уткнулась в кроссворд. Он прошёл мимо неё, чувствуя, как в кармане лежит украденное. Нет. Не украденное. Возвращённое. Он возвращал его тем, кому оно принадлежало. Картерам. Наследникам Викентия Андреевича. Тем, кто даже не подозревал, какое наследство их ждёт.

В электричке его тошнило. Он сидел у окна, прижимая портфель к груди, и смотрел на мокрые сосны. Желудок сводило. Он достал телефон, нашёл номер Ковалёва. Подумал — и набрал.

— Саня, слушай внимательно. Если со мной что-то случится...

— Гриша, ты чего? Какое «что-то случится»?

— Не перебивай. Если что — ищи перо в доме Картера. В Коптяках. Передай им. Скажи — пусть берегутся. Есть человек, который называет себя наследником.

— Какой наследник? Гриша, ты...

— Всё. Потом.

Он повесил трубку и выключил телефон. В вагоне было почти пусто — только старушка с сумкой-тележкой да молодой парень в наушниках. Никто не смотрел на Зильбера. Никто не знал, что он везёт в портфеле. Никто не догадывался, что через несколько часов он будет мёртв.

Дом встретил его запахом воска и старого дерева. Он вошёл через чёрный ход. Ключ оставил под половиком неделю назад, когда приезжал сюда в первый раз. Тогда он просто осматривал дом, пытался понять, где можно спрятать перо, чтобы его нашли только Картеры. Теперь он знал: надо оставить его здесь. Здесь оно будет в безопасности. Здесь его найдут те, кому оно предназначено.

На кухне он замер.

На столе стояла чашка. Чистая. И тёплая. Из неё только что пили чай.

Зильбер попятился. Сердце снова забилося о горло. Он хотел повернуться к выходу — и не смог. В доме было тихо. Только половица скрипнула где-то наверху. Он стоял, прижав портфель к груди, и слушал. Тишина. Потом ещё один звук — тихий, как будто кто-то провёл рукой по стене. Медленно. Ближе.

Зильбер развернулся к двери.

В проёме никого не было. Только тень от ветки за окном качалась на полу — яблоня, старый сад, ветер.

Он выдохнул. Показалось. Просто старый дом. Просто нервы.

И в этот момент что-то коснулось его горла. Не рука. Не пальцы. Что-то острое. Холодное. Серебряное.

Он хотел вдохнуть и не смог. В глазах потемнело. Последнее, что он услышал, — как наверху снова скрипнула половица. Ближе. Совсем близко.

А потом — тишина.

Через два дня майор Алексей Картер въезжал в Коптяки. Дождь кончился, но небо осталось серым, низким, тяжёлым. Дом стоял на отшибе, у кромки леса, и смотрел на него слепыми окнами.

Он заглушил двигатель и долго сидел, не выходя. Смотрел на яблоневый сад. На башню с целым стеклом. На крыльцо, которое просело, но всё ещё держалось.

Отец любил это крыльцо. Сидел на ступеньках, курил «Беломор» и говорил: «Здесь даже воздух другой — старый, мудрый.» Алексей тогда не понимал. Сейчас, в сорок два, он не то чтобы понимал — скорее чувствовал. Воздух действительно был другим. Гуще. Тяжелее. Как в старом храме.

Он вышел из машины. Под ногами чавкнула грязь.

— Товарищ майор? — сержант Тетерин мялся у ворот. — Там... труп.

Алексей посмотрел на сержанта. Молодой, красноглазый. Руки трясутся — то ли с похмелья, то ли от страха. Скорее второе.

— Давно служишь?

— Полгода.

— Первый труп?

Тетерин кивнул. Алексей хотел сказать что-то ободряющее, но не нашёлся. Он сам в первый раз блевал в раковину. До сих пор помнил этот вкус.

В прихожей пахло воском и старой кожей. Шкаф с чучелами стоял на том же месте, что и в детстве. Филин. Ворон. Сойка. Пустые глазницы. Алексей прошёл мимо, стараясь не смотреть. Помнил, как отец сказал: «Это просто мёртвые птицы, Лёшка. Мёртвые не кусаются.» А потом добавил, уже тише: «Но иногда они говорят.»

На вешалке висела старая куртка. Отцовская. Серая, с потёртыми локтями. Алексей заметил её краем глаза и на секунду замедлил шаг. Прошёл дальше.

В кабинете на втором этаже работал Соломатин. Курил у окна. Кивнул на пол.

Труп лежал лицом вверх. Мужчина лет пятидесяти, серое пальто. В горле — серебряное перо. Почти без крови.

Алексей присел. Достал телефон — экран загорелся. Список вызовов. Последний разговор с отцом. Он погасил экран.

— Не извлекали?

— Пытались. Не идёт. Приросло. Как будто не вставили, а вырастили.

— Да перестань! — Алексей осёкся. — Не бывает такого.

Соломатин затаился и убрал окурок в старую жестяную коробку из-под леденцов. «Беломор», как у отца. Густые седые усы шевелились, когда он говорил. Голос был прокуренным, с хрипотцой.

— Я тридцать лет в экспертизе. Такого не видал. Но снимки не врут. Серебро проросло в ткань. Как корни.

Алексей поднялся. Подошёл к окну. Провёл ладонью по почти седым вискам. За последний год седины стало заметно больше. Когда он хмурился, старый шрам над правой бровью становился почти белым.

— Личность?

— Зильбер Григорий Наумович. Пятьдесят два года. Орнитолог. Уволен из музея за хищение. В руке — вот.

В пакете — серебряное кольцо. Печатка с вороном.

— Крепко сжимал, когда умер.

Алексей взял пакет. Кольцо было точной копией того, что носил прадед.

— Дом надо опечатать до завтра, — сказал Соломатин. — Я вызову группу.

— Я сам.

— Картер...

— Я сказал — сам. Это мой дом.

Соломатин посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом — взглядом человека, который видел слишком много смертей. Вышел, не сказав ни слова.

Алексей остался один. Он обошёл кабинет. В ящике стола прадеда нашёл старую фотографию — Викентий Андреевич в белом халате, с серебряным пером в петлице и тем самым кольцом на пальце. Рядом с ним — молодая женщина с тёмными глазами. Прабабушка. Алексей никогда не видел её лица. Он долго смотрел на снимок. Потом убрал обратно.

В спальне отца на тумбочке лежала старая зажигалка «Zippo». Поцарапанная, с выгравированными инициалами «К.К.». Алексей взял её. Щёлкнул — работает. Пламя было ровным, спокойным. Отец всегда носил эту зажигалку с собой. Даже когда бросил курить — всё равно носил. «На удачу», — говорил он. Алексей сунул зажигалку в карман.

Ночью он лежал на диване в гостиной и слушал дом. Дождь стучал по крыше. В башне тикали часы. Он достал телефон, открыл список вызовов. Два звонка от отца за неделю до смерти. Первый он принял — «Я нашёл, Лёшка. Оно настоящее.» Второй — пропущен. Через день после первого.

Что он хотел сказать? Почему перезвонил?

Алексей смотрел на экран. Ответа не было.

В башне что-то изменилось. Часы начали бить. Медленно, глухо. Раз. Два. Три. Четыре. Тишина.

Он замер. Прислушался. Ничего. Только дождь.

Усмехнулся. Механизм. Старые часы иногда срабатывают.

В коридоре скрипнула половица.

Алексей сел на диване. Сердце забило быстрее. Прислушался. Тишина.

Сквозняк. Старые дома всегда скрипят.

Он лёг обратно. Но пистолет из-под подушки не убрал.

Утром он вышел на крыльцо. Дождь кончился. На перилах лежал бумажный пакет. Внутри — картонная коробочка, перевязанная бечёвкой. Старый школьный ластик. Наполовину стёртый. На нём ручкой, выцветшей, но ещё читаемой: «Ты опять всё потеряешь.»

Алексей улыбнулся — коротко, уголком губ. Впервые за много дней.

Лиля. Она всегда носила запасной ластик, потому что он вечно терял свои. Всегда. С первого класса. Она помнила.

Он убрал ластик в карман, к зажигалке отца. Два предмета легли рядом. Прошлое и будущее. То, что он потерял, и то, что, может быть, ещё можно найти.

Глава 2

Глава 2. Дом

Алексей Картер не любил Коптяки.

Отец любил. Сидел на ступеньках, курил «Беломор» и говорил: «Здесь даже воздух другой — старый, мудрый.» Алексей тогда не понимал. Сейчас, в сорок два, почти чувствовал.

Звонок Горелова раздался в семь утра. Алексей стоял под душем и не услышал. Перезвонил через десять минут, уже на ходу.

— Картер, у тебя дом в Коптяках?

— Зброшенный. А что?

— Труп там нашли. Твой участок. Езжай.

Он оделся молча. Кофе не допил. Выехал сразу — Серовский тракт, потом Верхотурский. Дождь то начинался, то прекращался. За окном проплывали сосны, болота, редкие дачные посёлки. Знакомые с детства места, которые он думал, что забыл. Поворот на Ганину Яму — здесь отец всегда замолкал. Алексей помнил: он спросил однажды, почему. Отец ответил: «Здесь земля помнит то, о чём люди стараются забыть.»

Теперь, проезжая этот поворот, Алексей понял, что отец имел в виду не только царскую семью.

Дом показался из-за поворота внезапно, как всегда. Алексей заглушил двигатель и долго сидел, не выходя. Яблоневый сад. Башня. Крыльцо, которое просело, но всё ещё держалось.

Башенное стекло было новым. Он замер. Отчётливо вспомнил звон камня — звонкий, с дребезгом. Отцовский взгляд — не злой, не разочарованный, а какой-то усталый. «Второй раз ты уже не бросишь.» Тогда он не понял. Сейчас понял: отец говорил не о камне. Он говорил о доме. О том, что Алексей больше не бросит его. Что когда-нибудь вернётся.

И вот он вернулся.

— Товарищ майор? — сержант Тетерин мялся у ворот. — Там... труп.

— Первый?

Тетерин кивнул. Алексей не стал говорить ободряющих слов. Сам в первый раз блевал в раковину. До сих пор помнил этот вкус — кислый, унижительный, как напоминание о том, что он не железный. И никогда им не был.

В прихожей пахло воском и старой кожей. Запах был плотный, почти осязаемый — так пахнет в старых библиотеках или в храмах, где годами жгут свечи. Шкаф с чучелами стоял на том же месте, что и в детстве. Филин. Ворон. Сойка. Пустые глазницы. Алексей прошёл мимо,

стараясь не смотреть. Помнил, как отец сказал: «Это просто мёртвые птицы, Лёшка. Мёртвые не кусаются.» А потом добавил, уже тише: «Но иногда они говорят.»

На вешалке висела старая куртка. Отцовская. Серая, с потёртыми локтями и выцветшим воротником. Алексей заметил её краем глаза и на секунду замедлил шаг. Он помнил эту куртку. Отец носил её в последнее лето, когда они все вместе были здесь. Алексей не стал к ней прикасаться — просто прошёл дальше. Но что-то сжалось в груди. Он не позволил себе остановиться.

В кабинете на втором этаже работал Соломатин. Сутулый, лысеющий, с жёлтыми от табака пальцами. Курил у открытого окна. Увидел Алексея — молча кивнул на пол.

Труп лежал лицом вверх. Мужчина лет пятидесяти, в сером пальто, с аккуратной седо-ватой бородкой. Лицо спокойное. Даже умиротворённое. Но в горле что-то блестело.

Алексей присел на корточки.

Серебряное перо. Длинное, с синеватым отливом. Глубоко, почти у основания языка. Вокруг почти нет крови.

Желудок сжался. Алексей сглотнул. Четырнадцать лет в органах — привык. Но сейчас, глядя на серебряное перо в человеческом горле, он почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Сглотнул ещё раз. Помогло не сразу.

Достал телефон сфотографировать — и экран загорелся. Список вызовов. Последний разговор с отцом — за неделю до смерти. Он мгновенно погасил экран. Соломатин заметил. Ничего не сказал.

— Не извлекали?

— Пытались. Не идёт.

— То есть?

— Приросло. Как будто не вставили, а вырастили.

— Да перестань! — Алексей осёкся. — Не бывает такого.

Последняя фраза — почти самому себе. Соломатин затянулся и убрал окурок в старую жестяную коробку из-под леденцов. «Беломор», как у отца. Густые седые усы шевелились, когда он говорил. Голос был прокуренным, с хрипотцой.

— Я тридцать лет в экспертизе. Такого не видал. Но снимки не врут. Серебро проросло в ткань. Как корни.

Алексей поднялся. Подошёл к окну. Провёл ладонью по почти седым вискам. За последний год седины стало заметно больше. Когда он хмурился, старый шрам над правой бровью становился почти белым. Соломатин заметил это. Ничего не сказал.

— Личность?

— Зильбер Григорий Наумович. Пятьдесят два года. Орнитолог. Уволен из музея за хищение. В руке — вот.

В пакете — серебряное кольцо. Печатка с вороном.

— Крепко сжимал, когда умер.

Алексей взял пакет. Кольцо было точной копией того, что носил прадед. Он видел его на старой фотографии — единственной, где Викентий Андреевич был запечатлён в белом халате, с серебряным пером в петлице и этим самым кольцом на пальце.

— Дом надо опечатать до завтра, — сказал Соломатин. — Я вызову группу.

— Я сам.

— Картер...

— Я сказал — сам. Это мой дом.

Соломатин посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом — взглядом человека, который видел слишком много смертей. Вышел, не сказав ни слова.

Алексей остался один. Он обошёл кабинет. В ящике стола прадеда нашёл старую фотографию — Викентий Андреевич в белом халате, с серебряным пером в петлице и тем самым кольцом на пальце. Рядом с ним — молодая женщина с тёмными глазами. Прабабушка. Алексей никогда не видел её лица. Он долго смотрел на снимок. Потом убрал обратно.

В спальне отца на тумбочке лежала старая зажигалка «Zippo». Поцарапанная, с выгравированными инициалами «К.К.». Алексей взял её. Щёлкнул — работает. Пламя было ровным, спокойным. Отец всегда носил эту зажигалку с собой. Даже когда бросил курить — всё равно носил. «На удачу», — говорил он. Алексей сунул зажигалку в карман.

Ночью он лежал на диване в гостиной и слушал дом. Дождь стучал по крыше. В башне тикали часы. Он достал телефон, открыл список вызовов. Два звонка от отца за неделю до смерти. Первый он принял — «Я нашёл, Лёшка. Оно настоящее.» Второй — пропущен. Через день после первого.

Что он хотел сказать? Почему перезвонил? Может быть, хотел предупредить. Может быть — попрощаться.

Алексей смотрел на экран. Ответа не было.

В башне что-то изменилось. Часы начали бить. Медленно, глухо. Раз. Два. Три. Четыре. Тишина.

Он замер. Прислушался. Ничего. Только дождь. Только дом оседал в темноте.

Усмехнулся. Механизм. Старые часы иногда срабатывают.

В коридоре скрипнула половица.

Алексей сел на диване. Сердце забилося быстрее. Прислушался. Тишина.

Сквозняк. Старые дома всегда скрипят.

Он лёг обратно. Но пистолет из-под подушки не убрал.

Утром он вышел на крыльцо. Дождь кончился. На перилах лежал бумажный пакет. Внутри — картонная коробочка, перевязанная бечёвкой. Старый школьный ластик. Наполовину стёртый. На нём ручкой, выцветшей, но ещё читаемой: «Ты опять всё потеряешь.»

Алексей улыбнулся — коротко, уголком губ. Впервые за много дней.

Лиля. Она всегда носила запасной ластик, потому что онечно терял свои. Всегда. С первого класса. Она помнила.

Он убрал ластик в карман, к зажигалке отца. Два предмета легли рядом. Прошлое и будущее. То, что он потерял, и то, что, может быть, ещё можно найти.

Майя вышла на крыльцо.

— Что это?

— Она всегда носила запасной. Яечно терял свои.

— Лиля?

Он кивнул. Майя ничего не сказала. Но заметила: брат улыбнулся. Впервые за много лет.

Она села рядом на ступеньку. Помолчали.

— Ты готов меня пустить в дом? — спросила она наконец.

Алексей встал и протянул ей руку.

— Пойдём.

Они вошли внутрь вместе. И дом встретил их — запахом воска, старой кожи и ещё чем-то, чему Майя не сразу нашла название. Памятью. Дом пах памятью.

В кабинете было холодно. Труп уже не было — его увезли в городской морг накануне вечером. На полу остался меловой контур и небольшое тёмное пятно. Майя опустила на корточки, провела пальцем в перчатке по пятну.

— Крови мало. Слишком мало для такой раны. Если перо пробило гортань, должно быть больше.

— Может, убили не пером.

— Может. Но перо в горле. И оно приросло. Соломатин прислал мне снимки. Я не спала полночи.

Она поднялась и стянула перчатку с левой руки. На ладони — старый шрам в форме полумесяца. Белый, чуть выпуклый. Она машинально потёрла его большим пальцем.

— Клеймо на пере — такое же. Где оно?

Алексей достал из сейфа стерильный лоток. Майя взяла перо пинцетом и поднесла к лампе. Тёмные волосы, всегда собранные в тугой хвост, сегодня выбились несколькими прядями и липли к лицу. Круглые очки в тонкой оправе она сдвинула на лоб.

Перо было длинным — сантиметров четырнадцать — с синеватым отливом. Бородки вырезаны так тонко, что напоминали кружево. На острие — клеймо в виде глаза.

— Тот же, что у прадеда. И тот же, что на мне.

— Совпадение?

Она не ответила. Убрала перо в контейнер и уехала в лабораторию. Алексей остался один.

Он ходил по дому. Трогал стены. Открывал шкафы. В спальне отца на тумбочке по-прежнему лежала зажигалка — он оставил её там, не решился забрать окончательно. В кабинете прадеда в ящике стола — старая фотография. Он снова достал её. Снова посмотрел. Убрал.

Вечером Майя вернулась с распечатками. Они сидели на кухне. Чайник свистел на плите — старый, эмалированный, с отбитой ручкой. Отцовский.

— Серебро 925-й пробы. Но в сплаве — примеси, которых в природном серебре быть не должно. Иридий. Родий. И органика. Белковые соединения, вплавленные в металл на молекулярном уровне. Как будто серебро смешали с кровью.

— Чьей?

— Не знаю. Анализ ДНК займёт недели. Но перо электрически активно. Я подключила осциллограф — оно проводит импульсы. Слабые, стабильные. Как сердцебиение.

Майя сняла очки и потёрла переносицу — точь-в-точь как Алексей. Семейный жест. Под левым глазом залегла тонкая тень — последствия бессонной ночи.

— Ты хочешь активировать его, — сказал Алексей.

— Да.

— Это опасно. Зильбер мёртв.

— Зильбер не знал, что делает. А у нас есть дом. Есть чучело. Может быть, перо должно быть не в человеке, а в птице. Я хочу попробовать.

— Нет.

— Это не твоё решение.

— Это наш дом. И наш отец умер, пытаюсь что-то здесь найти.

Майя закрыла распечатки. Прикусила внутреннюю сторону щеки — привычка, которая появлялась у неё в моменты напряжения.

— Именно поэтому я должна попробовать. Ты слышал его последний звонок. А я — нет. Я хочу знать, что он искал.

Она встала и вышла. Алексей остался за столом. Достал зажигалку отца. Щёлкнул. Пламя дрожало в темноте.

Ночью он не спал. Думал о Майе. О её шраме. О том, что она сказала: «Ты слышал его звонок, а я — нет.» Она была права. Он слышал. И ничего не сделал.

Под утро Алексей поднялся в кабинет. Открыл сейф. Достал перо. Взвесил в руке. Металл был тёплым — хотя пролежал в сейфе всю ночь. Он поднёс перо к чучелу ворона. Пустая глазница. Отверстие точно по размеру.

Рука дрогнула. Он представил, как перо входит в глазницу. Представил, как ворон открывает клюв. Представил голос — чей? Зильбера? Отца?

Он убрал перо обратно в сейф. Запер. Спустился в гостиную.

Майя спала на диване, завернувшись в плед. Алексей сел рядом и долго смотрел на неё. Потом достал из кармана зажигалку отца и ластик Лили. Положил рядом. Два предмета. Два человека. Один — прошлое, которое он не может вернуть. Другая — будущее, которое он боится потерять.

Утром Майя проснулась первой. Увидела зажигалку и ластик на столе. Ничего не сказала. Но заметила: сейф в кабинете был приоткрыт.

— Ты поднимался ночью? — спросила она за завтраком.

— Да.

— Ты хотел активировать перо.

— Да.

— Почему не стал?

Алексей долго молчал. Провёл ладонью по седым вискам. Шрам над бровью побелел. Потом сказал:

— Потому что испугался. Не того, что оно скажет. А того, что я услышу.

Майя кивнула. Она понимала.

Глава 3

Глава 3. Сестра

Утром Майя первой спустилась на кухню.

Чайник стоял на плите — старый, эмалированный, с отбитой ручкой. Отцовский. Мать всегда ругалась: «Купи нормальный, электрический.» Отец отмахивался: «Этот ещё прадедов. Работает же.» И действительно работал — исправно, безотказно, десятилетиями. Как и сам дом. Как и всё, что делал прадед.

Майя налила воды, зажгла газ. В шкафу нашла две кружки. Одну целую — уточка на зелёном фоне, выцветшая от времени. Вторую — с трещиной. Третьей не было.

— Третью отец разбил, — сказал Алексей, входя в кухню. — В то лето. Помнишь?

Майя помнила. Отец уронил кружку на пол, и она разлетелась на мелкие осколки. Мать тогда сказала: «Это к несчастью.» Отец засмеялся: «Это к новой посуде.» Через неделю он погиб в аварии на Серовском тракте. Пьяный водитель грузовика. Смерть на месте.

В жестянке с чаем, среди заварки, лежал пакетик бергамота. Засохший. Старый. Отец любил бергамот. Всегда заваривал его ровно две минуты по таймеру, и мать смеялась: «Ты чай завариваешь или операцию проводишь?» А он отвечал: «Чай — это точная наука.»

Майя положила пакетик в карман. Никому не показала.

Они сели за стол. Майя налила чай в целую кружку, себе — в треснутую.

— Я в гимназию заходила на прошлой неделе, — сказала она. — Документы забирала. Знаешь, кого встретила?

Алексей пожал плечами.

— Лилю Соболеву. Она теперь биологию преподаёт. Просила передать тебе привет.

Тишина. Алексей смотрел в свою кружку. Провёл ладонью по седым вискам — привычка, от которой он не мог избавиться.

— Как она? — спросил он наконец. И сразу отвёл взгляд, будто жалея, что спросил.

— Хорошо. Развелась недавно. Вернулась в город с дочкой. Спрашивала о тебе. Долго спрашивала.

Алексей кивнул и сменил тему.

После завтрака они поехали в деревню за продуктами. Дорога шла через сосновый лес — утрамбованная грунтовка, мокрая после ночного дождя. Машину слегка заносило на пово-

ротах. На станции было пусто — только высокий старик в тёмном пальто стоял у расписания. Когда они подошли, он обернулся. Тёмные глаза. Серебряное кольцо на пальце. Ворон.

Алексей вздрогнул. На секунду ему показалось, что это отец. Тот же рост. Та же осанка. Но нет — старик был старше. Лет на двадцать старше.

Старик отвернулся и медленно пошёл прочь, опираясь на трость. Постукивание трости по асфальту — размеренное, глухое — ещё долго было слышно в тишине.

— Кто это? — спросила Майя. Она прикусила внутреннюю сторону щеки.

— Не знаю. Но он смотрел на меня, как будто знает. Как будто ждал.

— Ты его раньше видел?

— Никогда. Но что-то в нём... — Алексей осёкся. — Не знаю.

В магазине продавщица — полная женщина в цветастом платке — узнала их.

— Вы Картеры? Из старого дома?

— Да, — ответил Алексей.

— А я помню вашего отца. Хороший был человек. Только странный немного. Всё что-то искал.

— Что искал?

— Не знаю. Говорил: «Правду ищу.» А какая в Коптяках правда? Тут одни сосны да болота.

Они вернулись в дом. Майя разобрала покупки, Алексей поднялся в кабинет. Он долго стоял у окна и смотрел на дорогу, по которой ушёл старик. Что-то не давало покоя. Какая-то мысль, которую он не мог ухватить.

Вечером они сидели на кухне. Майя достала пакетик бергамота.

— Я нашла это в жестянке. Он любил этот чай.

Алексей взял пакетик. Понюхал. Запах был слабым, едва уловимым. Но он узнал его. Сразу.

— Помнишь, как он заваривал? — спросила Майя. — Всегда две минуты. Ровно. По таймеру.

— И мать смеялась: «Ты чай завариваешь или операцию проводишь?»

— А он говорил: «Чай — это точная наука.»

Они замолчали. За окном темнело. Дом скрипел. Где-то в лесу кричала птица.

— Я скучаю по нему, — сказала Майя.

Алексей не ответил. Он смотрел на пакетик бергамота и думал о втором звонке. О том, на который не ответил.

Потом он вдруг сказал:

— Она приходила.

— Кто?

— Лиля. Сегодня утром. Оставила ластик на крыльце. Помнишь, как в школе?

Майя улыбнулась.

— Конечно, помню. Ты вечно терял ластики, а она всегда носила запасной. Говорила: «Ты когда-нибудь потеряешь голову, а я не смогу носить запасную.»

— Я не терял, — сказал Алексей. — Я специально забывал. Чтобы она подходила.

Майя подняла брови.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Они рассмеялись — впервые за много дней. Смех получился неожиданным, каким-то детским. И сразу оборвался, как будто они испугались, что нарушили тишину дома.

— Ты ей нравился, — сказала Майя. — Очень. Она ждала тебя после выпускного. А ты не пришёл.

— Я был дураком.

— Ты был напуган. Как сейчас.

Алексей ничего не ответил. Он смотрел на ластик в своей руке и думал о том, что некоторые вещи можно потерять навсегда. А некоторые — найти через двадцать лет. Если повезёт.

Ночью Майя не спала. Она сидела в гостиной, перечитывая дневник прадеда. Одна запись не давала покоя — та, что была сделана в самом конце, почти неразборчивым почерком: «Она пыталась остановить меня. Я не послушал. Теперь её нет. А голос — молчит. Ворон говорит правду, но правда не возвращает мёртвых.»

Майя закрыла дневник и поднялась в кабинет. Чучело ворона стояло на каминной полке — чёрное, неподвижное, с пустыми глазницами. Она долго смотрела на него.

— Что ты знаешь? — прошептала она. — Что ты сказал прадеду?

Ворон молчал.

Майя достала из сейфа перо. Взвесила в руке. Металл был тёплым. Она поднесла перо к глазнице — и отёрнула руку. Что-то остановило её. Не страх. Скорее — ощущение, что она ещё не готова. Что правда, которую скажет Ворон, может оказаться страшнее неизвестности.

Она убрала перо обратно. Заперла сейф. Спустилась в гостиную.

Алексей спал на диване. Майя села рядом и долго смотрела на него. На седые виски. На шрам над бровью. На то, как он сжимал во сне кулаки — привычка, оставшаяся с детства.

— Мы найдём правду, — прошептала она. — Обещаю.

И сама не знала, кому это обещает — брату, отцу или себе.

Утром они нашли записку.

Она лежала на кухонном столе — белый лист, вырванный из тетради. Почерк незнакомый — твёрдый, с резкими росчерками: «Вы нашли кольцо. Вы нашли перо. Значит, вы готовы. Приходите завтра в музей. Я расскажу то, что не рассказал ваш отец. Наследник.»

— Он хочет встречи, — сказала Майя.

— Мы пойдём.

— Это может быть ловушка.

— Мы всё равно пойдём. Он знал отца.

Алексей сжал переносицу двумя пальцами. Закрыв глаза. Думал.

— Завтра, — сказал он. — Завтра мы узнаем, кто такой Наследник.

За окном занимался серый октябрьский рассвет. Дом молчал. Но в башне часы продолжали тикать — размеренно, глухо, как сердце. Как сердце того, кто ждал их возвращения шестьдесят лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.